

Пусть Ли Вэньсю и грозился «провести проверку», на следующий день обоим ждала работа, поэтому, немного поговорив перед сном, они уснули.

День отдыха помог Чэн Лисюэ прийти в себя. На площадке она работала чётко и размеренно. До мастера уровня Ло Юаньцзе ей пока было далеко, но свой собственный ритм она постепенно нащупала.

Прошло ещё около двух недель, когда Ло Юаньцзе наконец выписали.

К тому моменту Чэн Лисюэ три дня не мыла голову, скрутив длинные волосы в небрежный хвост; некогда жизнерадостная девчонка под тяжестью колоссальной ответственности сделалась взвинченной и угрюмой. Из-за бракованного реквизита съёмка застопорилась, и она с темным, налитым гневом лицом так отчитала старшего реквизитора — рослого мужика под метр девяносто, — что тот и головы поднять не смел.

Рывкнув в последний раз, Чэн Лисюэ всё ещё кипела от злости, но, подняв взгляд, замерла. В дверях стоял знакомый силуэт.

Не веря своим глазам, она растерянно хлопнула ресницами.

Человек у входа мягко улыбнулся.

Только тогда она поняла: это не сон. На глаза мгновенно навернулись слёзы.

— Наставник... Вы так исхудали.

После двух с лишним недель в больничной палате одежда висела на Ло Юаньцзе мешком, но держался он бодро, а из-за впавших щёк и осунувшегося лица казался даже более суровым и крепким.

— Потрудились на славу, — подошёл Ло Юаньцзе, сохраняя прежнюю неторопливую сдержанность. — Каково это — впервые держать в руках такой огромный проект? Втянулась?

— Да, — кивнула Чэн Лисюэ. — Все очень стараются.

Разве могло всё идти гладко у молодой девушки, впервые взявшей на себя управление съёмочным процессом? Входя на площадку, режиссёр слышал, как съёмочная группа шепталась за спиной, жалуясь на зверский нрав помощницы. Но иного выхода не было: женщинам в режиссёрском кресле и без того приходилось пробивать дорогу лбом, а Чэн Лисюэ к тому же была юна и не имела громкого имени. Не проявляй она жёсткости — съели бы с потрохами.

Раз уж она предпочитала не жаловаться, он сделал вид, будто ничего не заметил.

Взяв раскладовку на сегодняшний день, Ло Юаньцзе пробежал глазами по листам:

— На каком эпизоде остановились?

Чэн Лисюэ тут же отчиталась.

Снимали последнюю встречу Бай Цзинняня и Тан Фэна перед отъездом за границу.

Вернувшись с острова Вэйхай, Бай Цзиннянь изо всех сил отгонял мысль о неизбежной разлуке. Он так и не решился признаться Тан Фэну, что в сентябре уезжает учиться за рубеж, подсознательно полагая: расставание станет концом их отношений. Но сколько бы он ни цеплялся за уходящие дни, время утекало сквозь пальцы, словно сухой песок.

В конце августа Тан Фэн узнал об отъезде от третьих лиц.

— Я... я на самом деле ещё не решил, ехать или нет, — запнулся Бай Цзиннянь, охваченный паникой оттого, что его сокровенный страх наконец выплыл наружу. — Потому и молчал... Я не специально...

— Тш-ш, я не виню тебя, — тихо перебил Тан Фэн. — Просто ты мог бы сказать раньше. Мы вместе могли бы подготовиться.

— Подготовиться? — Бай Цзиннянь ошеломлённо вытаращился на него. — Ты... ты разве не собираешься со мной расстаться?

— С чего бы это? — Тан Фэн сощурил выразительные глаза, которые в кои-то веки потемнели от редкой строгости. — Думаешь, если ты уедешь за океан, я брошу тебя?

Бай Цзиннянь промолчал, опустив взгляд.

— Или это ты решил со мной порвать? — спросил Тан Фэн.

— Нет! Ни за что! — выпалил тот.

— Тогда о чём ты тревожишься? — мягко проговорил Тан Фэн. — Не знаю, как рассуждают другие, но расстояние для меня — не преграда. Разве моя любовь испарится оттого, что тебя нет рядом? Я люблю тебя. И даже если нас разделят океаны, я пересеку их, чтобы увидеть тебя.

Бай Цзиннянь замер, глядя на него. Сердце затопила волна нежной, щемящей теплоты, будто его погрузили в термальный источник. Он и помыслить не мог, что Тан Фэн окажет ему такую безусловную поддержку. Впервые в жизни он так отчётливо, до головокружения ощутил, что его искренне любят. В носу зашипало, он с трудом подавил подступающий к горлу ком.

— Не бойся, всё не так страшно, как кажется. У тебя будут зимние и летние каникулы — сможешь приезжать. У меня график свободный, я тоже буду летать к тебе при первой возможности, — Тан Фэн посмотрел на застывшего в оцепенении юношу, улыбнулся и добавил: — А если уж совсем не вмоготу — брошу должность приглашённого профессора в Академии искусств и уеду с тобой...

— Не надо! — испуганно перебил Бай Цзиннянь. — Ты не должен идти на такие жертвы ради меня! Одно то, что ты остаёшься со мной, — уже больше, чем я смел просить!

— Перестанешь теперь дуться? — Тан Фэн шутливо щёлкнул его по носу.

— Перестану... — опустил голову Бай Цзиннянь, но уголки его губ предательски поползли вверх.

Так началась их жизнь на две страны. Они курсировали через океан; встречались куда реже, чем прежде, но каждая их встреча была пропитана той же пылкой нежностью, что и в первые дни любви.

Спустя год Тан Фэн неожиданно предложил построить дом за городом.

У него оставалось родовое поместье в пригороде, доставшееся по наследству, но за долгие годы запустения ветхое строение не выдержало очередного сильного ливня и рухнуло. Когда деревенские сородичи связались с ним по поводу ремонта, Тан Фэн, вспомнив их дни с Бай Цзиннянем на острове Вэйхай, решил, что куда лучше возвести с нуля небольшой загородный дом.

Бай Цзиннянь без колебаний поддержал эту идею.

Для него это было не просто строительство — в мире, где их союз никогда бы не получил официального признания, этот дом становился тихой гаванью, их личным, только им принадлежащим гнездом.

Прилетев на очередные каникулы, Бай Цзиннянь с головой ушёл в стройку. Они вместе чертили планировку, таскали кирпичи наравне с рабочими, а в редкие минуты отдыха сидели плечом к плечу, мечтая о том дне, когда всё будет готово.

Время было нелёгким, но невероятно счастливым.

Спустя целый год строительство и отделка завершились.

Перед загородным домом раскинулся просторный двор. Переднюю его часть зацементировали под парковку, посадив лишь тоненький, в руку толщиной, саженец акации. Зато над задним садом пришлось попотеть: Бай Цзиннянь зажёгся идеей высадить мушмулу. Тан Фэн охотно согласился, вот только дерево не пережило первой же суровой зимы и вымерзло.

В самом доме на первом этаже разместились столовая, кухня и гостиная. Второй этаж, если не считать несущих стен, сделали единым пространством: одну половину занимала художественная мастерская Тан Фэна, вторую — кабинет Бай Цзинняня. На третьем обустроили две спальни: их собственную и небольшую гостевую. Домовладельцы изначально не планировали принимать визитеров, так что этот дом создавался как закрытый от всего мира микрокосм.

В день, когда стройку закончили, Тан Фэн позвонил Бай Цзинняню через океан.

В тот же год Бай Цзиннянь снял свой первый независимый фильм и завоевал с ним престижную международную кинопремию. Спустя четыре года неустанного труда он наконец начал заявлять о себе в звёздном Голливуде.

В телефонном разговоре Бай Цзиннянь с восторгом делился успехами и обещал, что совсем скоро вернётся домой.

Они были так беспредельно счастливы... И никто из них не подозревал, какая беда уже занесла над ними косу.

Чтобы достоверно снять процесс строительства, съёмочная группа воссоздала усадьбу в павильоне в масштабе один к одному. В день, когда бутафорский дом был завершён, Ло Юаньцзе долго-долго простоял возле него в одиночестве. А потом, отвернувшись от людей, незаметно смахнул слезу и тепло, с облегчением улыбнулся.

Се Синьцзянь отвел взгляд; в носу нестерпимо защипало. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что до смерти боится... Боится дойти до финала этой истории.

Ли Вэньсю молча стоял рядом — надёжный, нерушимый, словно скала.

— Не бойся, — тихо произнёс он.

И всё же этот день настал.

В конце ноября съёмочный процесс «Долгого лета», длившийся полгода, подошёл к концу.

Финальным аккордом стала сцена плача Се Синьцяня — кульминационная развязка всей картины. Именно здесь сюжет совершал последний роковой поворот, бесповоротно увлекая героев к трагической развязке.

Ещё до команды «Мотор!» Се Синьцянь долго настраивался, бестрепетно и полно сживаясь с образом Бай Цзинняня.

Эмоции накатывали постепенно. Сперва он ещё воспринимал окружающий мир, но вскоре перестал замечать объективы камер, осветительные приборы и даже крупные хлопья снега, падавшие на его плечи.

Он потонул в удушающей бездне утраты.

От пылкой любви — к насильственному разрыву, от слепой привязанности — к зияющей пустоте. Невыносимая боль диким ураганом пронеслась по его телу, выжигая внутренности дотла.

Неужели именно это пришлось в своё время пережить Ло Юаньцзе?

Сначала скорбь ручейком просачивалась сквозь сознание, но затем превратилась в бурлящий после грозы поток, хлынула бешеными волнами речного паводка и, наконец, накрыла его с головой гигантским цунами, смывая разум.

Слёзы хлынули — удержать их было невозможно.

Се Синьцянь стоял посреди шумной толпы и плакал.

Сначала беззвучно, лишь плечи судорожно вздрагивали под тяжестью рыданий. Затем из груди вырвался непроизвольный всхлип, сменившийся громким, рвущим душу плачем. Лицо исказила беспросветная мука, и, наконец, запрокинув голову, он забился в исступлённом, выворачивающем внутренности крике.

Смотреть на эту раздирающую душу сцену без слёз было выше человеческих сил.

На площадке плакали все. Лишь Ло Юаньцзе, словно бездушный изваянный истукан, не мигая смотрел в монитор.

Съёмка завершилась. Члены съёмочной группы утирали слёзы, а Ло Юаньцзе всё пересматривал дубль за дублем, не роняя ни слова.

Он крутил запись снова и снова, пока Чэн Лисюэ, почуяв неладное, не окликнула его:

— Наставник?..

Словно в марионетку на миг вернулась жизнь, грудь Ло Юаньцзе судорожно вздыбилась, и на глазах у ошеломлённой толпы он выплюнул сгусток алой крови и рухнул наземь.

— Наставник!! — Чэн Лисюэ подскочила к нему, подхватывая на руки; со всех сторон уже бежали люди.

— Этот дубль... годится... — с трудом прошептал Ло Юаньцзе и потерял сознание.

Только тогда Се Синьцзянь узнал страшную правду: режиссёр был смертельно болен.

Вот почему Чэн Лисюэ работала даже на пароме, вот почему монтажёры горбатились ночами, вот почему съёмки гнали с такой бешеной скоростью...

А он ни о чём не догадывался, свято веря, что у режиссёра банальная простуда.

Се Синьцзянь зажмурился от тупой, разрывающей грудь боли. Глаза, иссушенные долгими рыданиями, жгло, и он не мог выжать из себя больше ни слезинки.

Он медленно повернул голову и воззвал к Ли Вэньсю пустым, омертвевшим взглядом:

— А режиссёр...

Сердце Ли Вэньсю сжалось от жалости. Он крепко, до хруста костей прижал юношу к себе и лишь спустя долгое мгновение глухо произнёс:

— У него рак.

Се Синьцзянь замер. Ледяной ветер ударил в его распахнутые глаза, отозвавшись едкой резью.

В тот же день Ло Юаньцзе экстренно госпитализировали. Весь съёмочный костяк дежурил в больнице. Спустя восемь часов борьбы за его жизнь врачам удалось стабилизировать состояние режиссёра.

Не позволив себе ни минуты отдыха, Чэн Лисюэ сразу же увела монтажёров заканчивать фильм.

На следующее утро Ли Вэньсю вышел на связь с целителем.

— Бесполезно, — выслушав историю болезни, эспер А-класса сокрушённо качнул головой. — Наша магия работает по принципу равноценного обмена. Плату за исцеление от смертельного вреда не сможет внести даже такой человек, как Ло Юаньцзе.

Полгода спустя Ли Вэньсю вновь услышал тот же жестокий вердикт.

Все средства были исчерпаны. Единственное, что им оставалось, — ждать.

В начале января, после двух месяцев бессонной работы монтажной группы, первая черновая версия «Долгого лета» была готова.

День выдался погожим и солнечным. В лучах погожего зимнего солнца Ло Юаньцзе неожиданно почувствовал прилив сил и даже дал несколько дельных правок по монтажу.

К середине января был закончен финальный монтаж.

Картина с подобным сюжетом заведомо не могла рассчитывать на широкий прокат внутри страны. Хотя съёмочная группа и отправила ленту в цензурный комитет, это сделали лишь для галочки, ни на что особо не надеясь.

Изначально планировалось везти фильм на Венецианский кинофестиваль в следующем году, но никто не ожидал, что болезнь режиссёра станет прогрессировать так стремительно. Весь этот месяц руководство «Сыжуй Медиа» сбивалось с ног, пытаясь договориться о зарубежном прокате. Однако бюрократические жернова за границей крутились неторопливо, согласования затягивались на месяцы, а Ло Юаньцзе таял на глазах — времени у них не оставалось совсем.

И когда надежда почти угасла, из Цзинши неожиданно пришли потрясающие вести.

[Учитывая выдающийся вклад режиссёра Ло Юаньцзе в национальный кинематограф и высочайшую художественную ценность картины «Долгое лето», Комитет по радиовещанию и телевидению в виде исключения одобряет кинопрокат на территории страны при условии введения возрастных ограничений и отсеечения чрезмерно откровенных сцен]

Это решение стало настоящим спасением. Команда моментально включилась в работу, и всего за семь дней фильм прошёл все необходимые правки и процедуру лицензирования.

Двадцатого января, в двадцать девятый день двенадцатого лунного месяца, в Цзинши состоялась торжественная премьера «Долгого лета». Широкий прокат был намечен на первый день Нового года по лунному календарю.

В день премьеры Се Синьцян, Ли Вэньсю и вся съёмочная группа прибыли в кинотеатр. От спонсорских интеграций и помпезных церемоний отказались, актёры оделись подчеркнуто скромно, словно пришли на обычный сеанс.

Зал быстро заполнился публикой. Гаснувший свет возвестил о начале показа.

Чэн Лисюэ в строгом чёрном костюме сидела в первом ряду с каменно-застывшим лицом. Кресло слева от неё оставалось пустым — его берегли для Ло Юаньцзе, всё ещё находившегося в реанимации. Справа от неё расположились Ли Вэньсю и Се Синьцян, также облачённые в чёрное.

Перед самым началом сеанса у Чэн Лисюэ зазвонил телефон. Повесив трубку, она изменилась в лице и, забыв про премьеру, порывисто встала.

Ли Вэньсю жёстко перехватил её за запястье:

— Ты куда?

Чэн Лисюэ колотило мелкой дрожью. Лишь спустя пару секунд она выдавила сквозь зубы:

— Наставник... Его увезли в реанимацию...

Зрачки Ли Вэньсю сузились, но хватка на её руке не ослабла; на тыльной стороне ладони проступили вены.

— Тебе нельзя уходить. Если ты уйдёшь, что будет с фильмом? Кто выйдет на сцену с режиссёрским словом? Кто расскажет людям, сколько сил и души вложил в эту картину старец Ло?

Лицо Чэн Лисюэ исказила гамма чувств: паника, растерянность, безысходная горечь. После короткого сопротивления она бессильно опустилась обратно в кресло и закрыла лицо руками:

— Но что же мне делать...

— Ты не врач, твоё присутствие там ничего не изменит, — твёрдо произнёс Ли Вэньсю. — Ты его ученица. Твой долг — остаться здесь и довести до конца последнее дело мастера. Это можешь сделать только ты.

Чэн Лисюэ сжала губы. Ли Вэньсю прав. Бежать в клинику бессмысленно, у неё есть невыполненный долг.

Девушка подняла голову и устремила взгляд на зажегшийся экран.

В два часа дня начался премьерный показ «Долгого лета».

Первым делом на экране появилось предупреждение:

[Фильм содержит темы нетрадиционных любовных отношений. Рекомендовано к просмотру лицам старше 18 лет]

Предупреждение растаяло, и зажёгся первый кадр.

На экране возникла раскидистая акация, пышно цветущая в лучах раннего лета.

У окна на втором этаже стоял пятидесятилетний мужчина, заворожённо глядя на белые гроздья. Напротив него сидела девушка лет двадцати. Проследив за его взглядом, она сначала посмотрела в окно, затем перевела взор на висевшее на стене полотно и любопытствующе спросила:

— Наставник, на этой картине изображена эта самая акация?

Мужчина медленно кивнул.

— Но почему крона совсем другая? — удивилась девушка.

Камера переместилась на картину. Хотя двор и дом совпадали с настоящими, да и дерево цвело, сама форма кроны заметно отличалась, а поверх соцветий легла темнеющая ало-бурая тень, будто полотно случайно испачкали.

Мужчина долго молчал, прежде чем вымолвить:

— Потому что этой картине тридцать лет.

— Тридцать лет? — изумлённо расширила глаза девушка.

Мужчина ничего не ответил. Всё его внимание было приковано к картине, будто сквозь слои краски он пытался разглядеть себя самого — тридцатилетней давности.

Ветры за окном запели громче, перекрывая гул прибора.

Кадр сменился шумным причалом. Тридцать два года назад молодой студент режиссёрского

факультета Бай Цзиннянь с тяжёлым рюкзаком за плечами сходил с пристани. Вокруг шумела толпа, плескались волны, а над пристанью раскачивался выцветший указатель: Остров Вэйхай.

Молодой Бай Цзиннянь поселился в заброшенном загородном доме своего профессора и сутками напролёт бродил по острову в поисках вдохновения.

Он снимал разбивающиеся о скалы волны, трепещущие под порывами ветра деревья, молящихся в церкви рыбаков, выброшенную на берег мёртвую рыбу...

Мир в его объективе становился всё более насыщенным, но ему всё ещё не хватало главного — жизни.

Пока в один из ненастных, затянутых проливным дождём дней он не встретил в стенах старого дома нового жильца — молодого художника Тан Фэна.

С этой минуты палитра фильма расцвела яркими красками.

Лазурные воды, пронзительно-голубое небо, буйное цветение бугенвиллеи...

На этом диком и чарующем острове они трепетно искали путь к сердцам друг друга, пока в праздник Циси не скрепили свою любовь первым поцелуем.

В те дни даже сам воздух казался медовым.

И когда они покинули остров, и когда Бай Цзиннянь уехал за океан — ничто не смогло пошатнуть их чувство.

Когда на экране достроили загородный дом, зрители в зале невольно улыбнулись. А когда в телефонном разговоре Тан Фэн узнал, что фильм Бай Цзинняня взял международную премию, зал радовался вместе с ним.

День возвращения Бай Цзинняня совпал с восьмидесятилетием Академии искусств. На празднике студенты готовили танцевальный номер под песню Дэн Лицзюнь «Я забочусь только о тебе». Эта мелодия напомнила влюблённым об островах, и они условились встретиться прямо на территории академии.

Разлука длиной в полгода подошла к концу, и Бай Цзиннянь с трудом сдерживал ликующий трепет.

В тот день в Цзинши шёл густой снег, но самолёт, вопреки ожиданиям, приземлился без задержек. Бай Цзиннянь поймал такси, намереваясь сделать Тан Фэну сюрприз.

Дороги занесло, машина плелась с черепашьей скоростью, а на встречной полосе то и дело мелькали очертания аварий. Бай Цзиннянь на миг стало не по себе, но предвкушение долгожданной встречи мгновенно вытеснило тревогу.

Спустя полтора часа такси наконец остановилось у ворот Академии.

Прибыв на место встречи, Бай Цзиннянь так и не увидел Тан Фэна. Телефон в кабинете молчал, а коллеги сказали, что профессор только что вышел. В те годы сотовой связи не существовало, и юноше оставалось лишь томиться в ожидании, невнимательно глядя на выступления.

Академия гудела, словно улей. Вокруг шумели радостные студенты, чьего энтузиазма не умаляли даже мокрые дождевики. Бай Цзиннянь же не находил себе места: он порывался пойти на поиски, но боялся разминуться с любимым, а потому лишь нервно смотрел на часы.

Концертная программа подходила к концу, настала очередь номера «Я забочусь только о тебе».

Не в силах больше ждать, Бай Цзиннянь поднялся с места. В этот момент из толпы выскочил студент и крикнул, что один из профессоров попал в аварию.

Бай Цзиннянь замер, а затем в один прыжок подскочил к парню и вцепился ему в плечо:

— Кто именно попал в аварию?!

Студент оторопел от его дикого взгляда и заикаясь выговорил:

— Т-Тан Фэн... приглашённый профессор с кафедры живописи...

Краска сошла с лица Бай Цзинняня.

В этот миг подбежал ещё один учащийся с радиоприёмником в руках. Из динамика донёсся бесстрастный голос диктора:

[Сегодня в два часа двенадцать минут дня на скоростной трассе в аэропорт произошла крупная авария. Погибли два человека, пятнадцать получили ранения. Среди погибших — водитель такси Ли Миньцян и профессор кафедры масляной живописи Академии искусств Цзинши Тан Фэн...]

Все прочие слова утонули в оглушительном гуле. Душу Бай Цзинняня точно выдернули из тела: перед глазами поплыла белая пелена, а в ушах зазвенела пустота.

Лишь спустя вечность чувства вернулись. Из динамиков над стадионом зазвучал нежный,

пронзительный голос Дэн Лицзюнь:

«Если настанет день,

И ты скажешь, что уходишь,

Я потеряю себя,

Растворюсь в бескрайней толпе...

Не нужно клятв и обещаний,

Лишь бы быть с тобой день за днём.

Я не смогу выжить,

Питаясь лишь осколками воспоминаний...»

Снегопад усиливался, укрывая саваном остывающее тело. Бай Цзиннянь неподвижно стоял посреди площади, с посиневшими от холода губами.

Воспоминания вихрем проносились перед его взором: проливной дождь их первой встречи, романтический праздник Циси, уютный кабачок, где они признавались друг другу в любви...

На мгновение Бай Цзинняню показалось, будто он снова там: Тан Фэн в белоснежной рубашке мягко улыбается и поёт: «Пусть время течёт неумолимо, я забочусь только о тебе...»

Песня из воспоминаний слилась с пением на сцене, а затем растворилась в мелодичном женском голосе.

Снег валил хлопьями, укрывая голову и плечи Бай Цзинняня.

«И потому я молю тебя:

Не заставляй меня покидать тебя,

Ведь без тебя моё сердце

Не отзовётся ни на что на свете...»

На этих словах рыдания рванули наружу, и он забился в истерике.

Финальная сцена представляла собой трёхминутный непрерывный кадр.

Камера крупным планом фиксировала лицо Се Синьцзяня, с жестокой нежностью ловя малейшие оттенки его боли.

Зрители смотрели на это залитое слёзами лицо, проживая его отчаяние, тоску, крушение мира... и плакали вместе с ним.

Через три минуты песня затихла. Экран погрузился во тьму, и на нём медленно выросла надпись:

[Фильм основан на реальных событиях. Прототип Бай Цзинняня — Ло Юаньцзе. Прототип Тан Фэна — Хэ Яньцин]

[12 июня 1990 года. Ло Юаньцзе впервые встретил Хэ Яньцина на острове Вэйхай]

На экране появилась старая, выцветшая фотография. Сосредоточенный юноша на ней сохранил узнаваемый профиль молодого Ло Юаньцзе. Рядом с ним стоял Хэ Яньцин, лучезарно улыбаясь.

[26 августа 1990 года. Ло Юаньцзе и Хэ Яньцин приняли участие в празднике Циси на острове Вэйхай и в тот же вечер стали парой]

Оранжевые сполохи костра выхватывали из темноты два юных лица. Смущённые, они смотрели в объектив, не в силах скрыть сияющих глаз.

[27 сентября 1990 года. Ло Юаньцзе уехал на стажировку за границу. Влюблённые впервые разлучились]

...

[28 декабря 1992 года. Ло Юаньцзе вернулся на родину. Хэ Яньцин вёз ему в подарок картину, но по дороге в аэропорт погиб в автокатастрофе. Ему было тридцать лет]

На сопровождавшем архиве был газетный снимок. Журналист избавил читателей от вида тела, запечатлев иную деталь: залитый кровью холст. На картине красовался загородный дом, над которым в ярких лучах весеннего солнца пышно цвела акация.

Строчки продолжили свой ход:

[Январь 2000 года. Ло Юаньцзе переехал за рубеж. До конца своих дней он так и не вступил в брак]

...

Заиграла финальная музыка, пошли титры.

Се Синьцзянь тяжёлым вдохом попытался перевести дыхание. Глаза и нос у него покраснели. Во время сцены аварии он сумел сдержаться, но документальная хроника добила его окончательно. Сухие исторические факты и старые снимки передавали чувство, пронесённое через тридцать лет, с такой силой, что зал буквально рыдал.

Се Синьцзянь закрыл лицо руками, плечи его ходили ходуном.

Слева протянули платок. Се Синьцзянь взял его и вытер слёзы.

— Немного легче? — Ли Вэньсю сжал его ладонь, голос его звучал глухо и хрипло.

Се Синьцзянь кивнул. Но едва он поднял взгляд, как увидел, что рядом с титрами крутят рабочий материал — кадры с Ли Вэньсю, снятые им самим на острове.

Перед началом съёмок Ло Юаньцзе дал Се Синьцзяню камеру и попросил снимать всё подряд. Тогда юноша нащёлкал кучу бытовых мелочей и, не найдя их в основном монтаже, решил, что кадры выбросили. Кто бы мог подумать, что режиссёр приберег их для финальных титров!

Чем сладостнее казалось прошлое, тем горше ощущалась развязка.

Глядя на беспечные мгновения с острова, Се Синьцзянь вновь вспомнил о гибели героя, и слёзы хлынули с новой силой.

В зале то и дело слышались всхлипы. Даже Ли Вэньсю, сдержанный и скупой на эмоции, не смог сдержать слёзы.

Песня смолкла. Экран погас. В зале зажёгся свет, но никто не аплодировал. Зрители замерли в оглушённом, благоговейном молчании.

В тот же самый миг в реанимации пальцы бессознательного Ло Юаньцзе слабо дёрнулись, а зубчатая линия на мониторе вытянулась в ровную нить.

Врач опустил руки и печально качнул головой.

В премьерном зале ведущий наконец произнёс в микрофон сорванным голосом:

— Благодарим съёмочную группу «Долкого лета» за эту невероятную историю. Приглашаем команду на сцену...

Чэн Лисюэ вышла с микрофоном, разрываясь от рыданий. Лишь спустя долгое время она смогла выдавить:

— Только что пришло известие... Режиссёр Ло Юаньцзе... врачи не смогли его спасти. Он скончался.

Зал ахнул.

На следующий день в финальные титры прокатной версии добавили последнюю строку: [20 января 2023 года Ло Юаньцзе ушёл из жизни в возрасте 54 лет].

...

Премьера «Долкого лета» произвела эффект разорвавшейся бомбы. И дело было не только в том, что лента стала первой легально вышедшей отечественной картиной на тему однополый любви, и не в трагической смерти режиссёра, а в невероятной, искренней силе человеческих чувств.

Все, кто рекомендовал фильм друзьям, твердили одно: это кино о любви.

Критики писали, что картина показывает всеобъемлющее чувство, стоящее вне времени, пола и социальных условностей. Несмотря на жёсткий ценз «18+», кинотеатры осаждали тысячи зрителей.

Вскоре в сети начали появляться воспоминания очевидцев тех далёких событий:

«Я выпускник Академии искусств 1990 года. Отлично помню тот юбилейный вечер. Когда объявили о гибели профессора Хэ Яньцина, рядом с нами рыдал какой-то незнакомец — рыдал так, что едва не терял сознание. Мы думали, это просто близкий друг... Лишь через тридцать лет я узнал правду. Пусть покоятся с миром».

«Я учился на курсе 1991 года. Профессор Хэ однажды принёс на лекцию портрет. Картины его уже тогда стоили целое состояние, и этот портрет мечтали купить многие, но он категорически отказывался продавать полотно. На наш вопрос, кто на нём изображён, он ответил: "Самый дорогой мне человек". Только посмотрев фильм, я понял, о ком шла речь».

«Мой отец учился в Академии в 1989-м. По его словам, Хэ Яньцин был местной легендой: за ним ухаживали и парни, и девушки, богачи и коллеги, но он жёстко всех отшивал. Говорил, что у него есть любимый человек, который учится за границей. Все думали — отговорка. А оказалась — истинная правда...»

Пользователи сети рыдали навзрыд, поражённые открывшимися подробностями, и принялись массово делать фанатские ролики.

Самым популярным стал трибьют от блогера с ником «Цзи-цзон»:

[Чем мне удержать тебя? Застывшим кадром, памятью, любовью всей моей жизни]

Фоном звучала песня группы «Фулушоу» «Чем мне тебя удержать». Се Синьцзянь включил видео и обомлел: кадрировка идеально совпадала со строчками песни.

«Ты забыл обжигающий ветер раны,

Ты поверил, что серая жизнь — это норма...»

В кадре — первые дни Бай Цзинняня на острове Вэйхай, до встречи с Тан Фэном.

«Почему ты поёшь, глядя на падающий снег?

Почему роняешь слёзы, отпуская любя?...»

В кадре — Тан Фэн один смотрит на первый снег, а Бай Цзиннянь плачет перед отлётом за границу.

«Проходят один за другим,

Теряются один за другим.

Раз за разом, снова и снова,

Со смехом и криком,

Кадр за кадром режет по живому...»

На экране — их метания и сомнения на острове, когда каждый боялся признаться в чувствах.

«Наслаждаясь её пышным цветом,

Терпя её увядание и гниль...»

Яркая бугенвиллея на ветке сменяется опавшей, сгнившей на земле мушмулой.

«Ты шепчешь "не надо", но цепляешься вновь,

И жизнь превращается в горькую песню...»

Бай Цзиннянь осознаёт свою любовь к Тан Фэну: он боится этих чувств, но не может оторвать от него взгляда.

...

«Ты молча держишь искру в самый тёмный час,

Ты сломлен, когда знакомый шёпот вновь звучит в ушах...»

Поцелуй на Пятицветном пляже в ночь праздника Циси; жаркие летние объятия на шелковых простынях.

«Проходят один за другим,

Теряются один за другим,

Кадр за кадром режет по живому...»

Кадр сменяется: два года спустя Бай Цзиннянь садится в такси в аэропорту. А на противоположной стороне улицы мельком вспыхивает алое пятно аварии.

«Наслаждаясь её пышным цветом,

Терпя её увядание...»

Кадры реальной жизни: Ло Юаньцзе получает режиссёрские награды одну за другой, пока Хэ Яньцин навеки остаётся тридцатилетним на газетном снимке.

«Ты шепчешь "не беги", но цепляешься вновь,

И жизнь превращается в горькую песню...»

В фильме молодая пара бежит по берегу моря; в жизни постаревший Ло Юаньцзе в одиночестве бредёт у самой кромки воды.

«Кто ты в этой бескрайней галактике?

Кто ты в его нежном взгляде?...»

Звёздное небо в ночь Циси, перекрещённые взгляды.

«Ты сгораешь падающей звездой,

И жизнь вспыхивает яркой песней...»

Катастрофа. Бай Цзиннянь бичуется от горя на заснеженной площади.

«Ты дождёшься расцвета садов,

Ты дождёшься возвращения ласточек,

Ведь ты живёшь лишь ради этой встречи...»

Тридцать лет спустя. Акация во дворе осыпается цветом. Се Синьцзянь и Ли Вэньсю смеются на ветвях дерева, а старый Ло Юаньцзе смотрит на них, ушедший в себя.

Музыка затихает, и появляется фрагмент интервью Се Синьцзяня с премьеры.

Голос юноши звучит надрывно и глухо:

— Во время съёмок я спросил режиссёра Ло, пожалел ли он хоть о чём-то. Он ответил: «Нет. Ни разу в жизни».

Звук и видео гаснут. На чёрном фоне вырастает белая надпись:

[Если бы мне дали возможность прожить жизнь заново и сделать иной выбор, я бы всё равно ступил на тот остров и полюбил того человека. — Ло Юаньцзе]

Посмотрев ролик, Се Синьцзянь долго молчал перед погасшим экраном.

А в комментариях бушевала буря:

— Спасите! Только-только глаза после кинотеатра просохли, и тут этот видос... Рыдаю в три ручья! (QAQ)

— Душу выжгло дотла. А от мысли, что это реальная история, вообще жить не хочется. Да в каком состоянии Ло Юаньцзе снимал этот фильм?!

— Название просто напавал... "Чем мне тебя удержать? Застывшим кадром, памятью, любовью всей моей жизни". (ТАТ)

— Рвутся жилы! А теперь и сам режиссёр ушёл...

— Мне всё равно, что вы скажете! Они точно встретились в другом мире и теперь счастливы вместе!

...

Помимо роликов, в сети плодились глубокие разборы, где внимательные зрители по косточкам разбирали мельчайшие детали картины:

Почему акация на картине отличается от акации во дворе?

Потому что полотно было плодом фантазии Хэ Яньцина. В день, когда дом достроили, он нарисовал их будущее тридцать лет спустя — будущее, перечёркнутое автомобильной аварией.

Почему Ло Юаньцзе заставил Се Синьцяня и Ли Вэньсю снимать сцену со сбором цветов акации?

Потому что в них он видел себя с Хэ Яньцином тридцать лет назад. Не произойди той трагедии, под деревом стояли бы они.

Почему в идеальном саду усадьбы пустует один угол?

Это место, где вымерзла мушмула. С гибелью Хэ Яньцина этот пустырь превратился в зияющую дыру в сердце Ло Юаньцзе.

И вот теперь он наконец шагнул в эту бездну...

Тридцать лет спустя он отправился к нему.

<http://bllate.org/book/19727/1985868>